

Д.И. Кузьмин*

ПЛАНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СБЛИЖЕНИЯ С ФРАНЦИЕЙ В ПОЛИТИКЕ ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ В НАЧАЛЕ 1935 г.

D.I. Kuzmin

PLANS AND PROSPECTS FOR RAPPROCHEMENT WITH FRANCE IN THE POLITICS OF THE FASCIST ITALY AT THE BEGINNING OF 1935

Аннотация. В статье делается попытка дать оценку одному из примечательных эпизодов межвоенного периода истории международных отношений — итало-французскому сближению в первые месяцы 1935 г., которое нашло свое наиболее яркое воплощение в подписании соглашения «Лаваль–Муссолини» 7 января 1935 г. Одним из краеугольных камней внешнеполитической парадигмы Б. Муссолини было создание «новой Римской империи». В качестве первоначальных целей экспансии в официальных документах откровенно назывались Эфиопия и Восточное Средиземноморье. К этому периоду Италия осуществила небывалое обновление своих военных и экономических ресурсов, которых, тем не менее, было недостаточно для выполнения поставленных внешнеполитических целей. В качестве союзника в деле расшатывания сложившегося в Европе статус-кво Италией была выбрана Франция. В течение первой половины 1935 г. странами был пройден большой путь по дипломатическому сближению, пики которого пришлось на упомянутый договор Муссолини–Лавала и переговоры военных штабов двух государств (зима–весна 1935 г.). Отдельным пунктом Италия предлагала разрешить накопившиеся колониальные противоречия, в частности, вопрос об итальянских гражданах в Тунисе и локальные проблемы в Восточной и Северо-Восточной Африке. Несмотря на улучшение отношений, Франция не была готова заключать с Италией более обязывающий договор по примеру Антанты начала века. На отношения между двумя странами влиял и постепенно обострявшийся германский вопрос. Тем не менее, январские договоренности были восприняты Муссолини как карт-бланш на эфиопском направлении, что вылилось в дальнейшем в развязывание итало-эфиопской войны. Однако вследствие уклончивости позиции Франции, для которой ценность Италии как союзника против Германии была не слишком велика,

---

* Кузьмин Дмитрий Игоревич, аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kuzmin Dmitry Igorevich, Postgraduate Student, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-926-920-56-48; dartdim99@mail.ru

Муссолини свернул попытки сближения с Третьей Республикой. Финальной точкой стала конференция в Стресе, после которой Италия окончательно покинула лагерь стран — гарантов Версальско-Вашингтонской системы международных отношений.

Ключевые слова: фашистская Италия, внешняя политика Б. Муссолини, Восточное Средиземноморье в межвоенный период, договор Муссолини–Лаваль, политика «умиротворения», Версальско-Вашингтонская система.

Abstract. The article attempts to assess one of the remarkable episodes in the history of international relations in the interwar period, the rapprochement between Italy and France in the first months of 1935, which found its most striking embodiment in the Laval–Mussolini agreement of January 7, 1935. One of the cornerstones of Mussolini's foreign policy was a concept of a “new Roman Empire”. Ethiopia and the Eastern Mediterranean were openly named the initial targets of expansion in official documents. By this period, Italy had more than restored its military and economic might, which was yet insufficient to achieve these ends. Italy chose France as its ally for undermining the status quo in Europe. During the first half of 1935, the countries came a long way in diplomatic rapprochement that reached the climax in the aforementioned Mussolini–Laval treaty and negotiations between the military headquarters of the two countries (winter–spring 1935). Italy proposed to resolve the bilateral colonial contradictions, in particular, the question of Italian citizens in Tunisia and local problems in East and North-East Africa. Despite the improvement in relations, France was not inclined to conclude a more binding agreement with Italy, following the early 20th-century example of the Entente. The relations between two countries were also influenced by the gradually aggravated German question. Nevertheless, the January agreements were taken by Mussolini as *carte blanche* in the Ethiopian area and later led to the outbreak of the Italo-Ethiopian war. However, due to the evasive position of France which did not much regard Italy as an ally against Germany, Mussolini curtailed attempts rapprochement with the Third Republic. The final event was the conference in Stresa, upon which Italy finally left the camp of the countries that guaranteed the Versailles–Washington system of international relations.

Keywords: fascist Italy, Mussolini's foreign policy, the Eastern Mediterranean in the interwar period, the Mussolini–Laval treaty, the “pacification” policy, the Versailles–Washington system.

* * *

В середине 1930-х гг. державы, заинтересованные в ликвидации Версальско-Вашингтонской системы, открыто встали на путь систематического нарушения ее основополагающих принципов и правовых основ. Германия начала с отказа от соблюдения военных статей Версальского договора и предприняла в 1934 г. первую попытку аншлюса Австрии, а Италия стала открыто готовиться к осуществлению своих давних планов по созданию обширной империи в Средиземноморье и Северной Африке, наметив в качестве первой жертвы Эфиопию. При этом уникальность момента заключалась в

том, что две ревизионистские державы пока еще действовали несогласованно, преследуя каждая свои цели, часто противоречившие друг другу, и в то же время каждая из них добивалась хотя бы молчаливого одобрения своих действий со стороны по крайней мере одной из держав — гарантов Версальского порядка: Великобритании или Франции.

О необходимости превращения Средиземноморья в сферу исключительного итальянского доминирования Муссолини говорил еще задолго до прихода к власти. После установления в Италии фашистского режима эта идея стала одним из главных лейтмотивов в его пропаганде. Долгое время не выходящая за рамки риторики, в 1930-х гг. она начинает переводиться в практическую плоскость.

Впервые об укреплении итальянских позиций в Средиземном море было заявлено в изданном в январе 1932 г. декрете Эмилио ди Боно, министра колоний: политик предлагал постепенно укреплять военно-морскую мощь государства для будущего наступления итальянских войск на «необходимые» средиземноморские территории. В это время военно-политическая активность Италии заметно усилилась. Весной 1935 г. завершилась операция по укреплению военно-морских баз, размещенных на островах вблизи береговой линии страны, — на юге и юго-востоке Сицилии, островах Пантеллерия и Лампедуза, а также Липарских островах, в частности, Стромболи и Салине. Для стран региона (главным образом, Турции и Греции) ситуацию ухудшал факт того, что Рим активно занимался укреплением Родоса. Италия также заметно наращивала свою военно-морскую мощь, которая, естественно, практически целиком концентрировалась в Средиземноморье¹.

В конце декабря 1934 г. Муссолини издал декрет, который говорил о неизбежности контроля Италии над Средиземным морем и Эфиопией. Эта стратегия подтверждала желание дуче возродить «новую Римскую Империю» и превратить Средиземное море в «итальянское озеро». К 1935 г., если судить по публичным выступлениям Муссолини, в официальной идеологии фашистской Италии окончательно укрепляется мысль о естественном праве нации на территории бывшей Римской империи, прежде всего в регионе Средиземноморья². Однако он прекрасно понимал, что в одиночку Италия едва ли могла рассчитывать на изменения неблагоприятного для нее статус-кво. Необходимость сближения с какой-либо державой в Европе не вызывала

---

¹ Подробнее см.: *Иванов Л.Н.* Морская политика и дипломатия империалистических держав. М., 1964. С. 219–275.

² *Rainero R.* Gli aspetti della crisi degli accordi Mussolini-Laval e gli espropri di Vinadio e del Moncenisio. Roma. 1999. P. 29.

сомнений. Перед Римом стояло два пути: форсировать сближение с Германией или получить согласие на осуществление своих планов от Великобритании или Франции.

Сближению с Германией мешал австрийский вопрос, обострившийся после убийства летом 1934 г. канцлера Австрии Э. Дольфуса германскими агентами. Муссолини явно не желал отказываться от идеи сохранения Австрии как буферной зоны. В 1934 г. после предложения министра иностранных дел Германии Нейрата начать консультации с Италией о разделе сфер влияния в дунайских странах³, Муссолини увидел в них возможность изменить статус-кво, но в ходе этих переговоров стало понятно, что «Германия имеет особые отношения с Австрией»⁴, в которых Италия была третьим лишним. Между тем независимость Австрии традиционно рассматривалась в Риме как важнейшая гарантия собственной безопасности. Иными словами, нацелившись на радикальный слом статус-кво в северо-восточной Африке и, возможно, в Средиземноморье, Муссолини все еще оставался сторонником его сохранения в Центральной Европе — там, где он в целом соответствовал интересам Италии. Это создавало объективные предпосылки для сближения с одной из держав — гарантов этого статус-кво. Неприятие возможного аншлюса было свойственно в первую очередь французской стороне, и здесь можно было нащупать некоторую общность интересов Парижа и Рима. Поэтому к 1935 г. главным потенциальным партнером Италии становится Франция.

На пути к соглашению с Францией, однако, лежал целый ворох старых противоречий между Римом и Парижем. В частности, камнем преткновения была североафриканская проблематика. Сразу после Парижской мирной конференции 1919 г. итальянцы начали требовать у Франции исправить границы Триполитании. Предполагалось увеличение итальянских владений в Северной Африке вплоть до озера Чад. Ближе к 1934 г. Италия все же умерила свои требования, и предметом торга стали более мелкие передель земель в регионе. Но вновь Франция уходила от ответа, переноса решение вопроса на последующие встречи. Традиционно актуальным для итальянской внешней политики было беспокойство о юридическом статусе итальянцев, проживавших во французской Северной Африке, в первую очередь в Тунисе (их было сотни тысяч). Рим стремился не допустить их натурализации и сохранить за ними итальянское подданство⁵. Особняком стояла проблема морского паритета, установленного еще

---

³ I Documenti Diplomatici Italia (далее — DDI). Serie 8. Vol. 2. P. 193.

⁴ Ibid. P. 202.

⁵ Ibid. P. 108.

на Вашингтонской конференции 1921 г. По словам военно-морского атташе Великобритании во Франции Ч. Пипона, «Франция и Италия строили военные корабли только друг против друга»⁶, т.е. имела место локальная «гонка» военно-морских вооружений между двумя соседними странами. На деле военно-морской паритет, как пишет французский историк Ж.Б. Дюрозель, «был теоретическим и особо никогда не соблюдался»⁷.

Практические шаги по сближению с Францией начались сразу после того, как выявилась несовместимость позиций с Германией. После окончания неудачных переговоров с Нейратом 16 ноября 1934 г. обиженный дуче отправил своему послу в Париже Алоизи указание начать сближение с Францией. Муссолини писал, что «господство в Средиземном море, как и дело с Абиссинией, созреет лишь тогда, когда между Францией и Италией будет заключен договор по всем спорным позициям»⁸.

Из этих слов можно заключить, что Италия желала достичь с Третьей Республикой полномасштабного соглашения по целому ряду спорных вопросов, в первую очередь колониальных. Фактически Муссолини предполагал заключить с Парижем некий аналог англо-французского «сердечного согласия» начала века, разрешив таким образом все колониальные вопросы и обеспечив себе французский «карт бланш» в Африке, поскольку без согласия Третьей Республики была невозможна реализация плана ди Боно о постепенной экспансии в Эфиопии. Это открыло бы дорогу к более широкому сотрудничеству в Европе (прежде всего, в отношениях с Германией).

Следует сказать несколько слов и о французской позиции. Задачу сближения с Италией новый министр иностранных дел Франции П. Лаваль получил «в наследство» от своего предшественника Л. Барту, однако распорядился он этим «наследством» по-своему. Для Барту сближение с Италией было частью широкого плана общеевропейской системы безопасности, фактически нацеленной на сдерживание Германии. Италия представлялась Барту непременным элементом южного фланга этой системы (он строил планы Дунайского пакта и неоднократно упоминал о возможности подписания обширного Средиземноморского пакта в дополнение к планировавшемуся им Восточному пакту⁹). На пути этих проектов стояли глубокие проти-

---

⁶ Documents on British Foreign Policy. Ser. 1A. Vol. 4. 08.12.1927.

⁷ *Duroselle J. B. Les Relations Internationales de l'Allemagne et de l'Italie de 1919 a 1939.* Paris, 1967. P. 56.

⁸ DDI. Serie 8. Vol. 2. P. 90.

⁹ *Пирумова О.В. Франко-итальянские отношения накануне итало-эфиопской войны // Дипломатические отношения западноевропейских стран между двумя мировыми войнами.* Ярославль, 1977. С. 31.

воречия между Италией и Югославией — союзником Франции по Малой Антанте. Встреча Барту и короля Югославии Александра в Марселе (4 октября 1934 г.), ставшая роковой для обоих политиков, планировалась именно с целью поиска решения этой головоломки. Но П. Лаваль уже в своей первой речи на новом посту говорил прессе, что «когда вы живете в доме, в котором вам приходится браниться со всеми жильцами понемногу, вы начинаете устанавливать мирные отношения прежде всего со своими непосредственными соседями, а не с жильцами седьмого этажа». Лаваль продолжил, что обладает «здравым смыслом и считает, что в первую очередь надо начать урегулировать отношения с Италией и Германией»¹⁰.

Такой настрой вполне соответствовал ожиданиям фашистской Италии. Рим и раньше был недоволен тем, что отношения с Италией рассматривались Францией через призму Малой Антанты¹¹. Итальянская пресса организовала целую агиткампанию против системы региональных объединений. Французские СМИ так передают настроения в Италии по этой проблеме: «в предложении о Восточном пакте нет ничего ясного, а практическая польза от такого пакта будет пустой. Что касается Средиземноморского Локарно, то это всего лишь старая идея, возвращенная в оборот, и ее нельзя реализовать без участия Великобритании — еще одной средиземноморской державы»¹². Иными словами, с приходом в правительство П. Лавала была открыта дорога для двусторонних франко-итальянских переговоров.

После некоторой задержки, связанной с последствиями марсельского убийства, П. Лаваль 4 января 1935 г. выехал в Рим, 5–6 января там проходили переговоры. К 7 января были подписаны восемь документов, а в конце дня состоялась тайная беседа один на один Муссолини и Лавала. Текст восьми документов, вошедший в историю под названием соглашения Муссолини–Лавала, содержал следующие положения:

1) Франция соглашалась на территориальные уступки в колониях: около 800 кв. км во Французском Сомали (около современного Джибути) и 114 кв. км на юге Ливии.

2) Франция подтверждала экономические уступки в Эфиопии, прежде всего в зоне железной дороги Джибути — Аддис-Абеба. При этом частные интересы вне этой зоны у Франции должны были быть сохранены, а итальянцы получали места в административном совете этой железной дороги.

---

¹⁰ Ж. Табуи. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960. С. 242.

¹¹ Перов Б.М. Франко-итальянские отношения в период правления П. Лавала (1934–35) // Проблемы французской истории. М., 2001. С. 114.

¹² Le Temps. 24.06.1934.

3) Было решено разработать детальное соглашение по статусу итальянских граждан в Тунисе. Предполагалось, что их особое положение будет поэтапно отменяться в течение 35 лет.

4) В отношении Австрии в соглашение включалась идея подписания коллективного пакта о ненападении пограничных государств.

5) Обе стороны признавали факт германского перевооружения в нарушение Версальского договора. В связи с этим Франция и Италия подтверждали необходимость взаимных консультаций.

Помимо этого устно был обговорен строго секретный протокол о французских интересах в Эфиопии, если та перейдет в итальянскую сферу влияния¹³. Вопрос о секретном протоколе особенно важен для определения значения всего соглашения. В конце 1935 г., в разгар итало-эфиопской войны, Муссолини заявил, что в Риме Лаваль дал ему карт-бланш для захвата Эфиопии¹⁴. Сам же Лаваль всячески протестовал против подобной трактовки январского разговора. Позже он даже написал письмо дуче, где пояснял, что согласовал лишь французские уступки в области итальянского экономического проникновения за исключением указанных в договоре зон¹⁵. Тем не менее, Муссолини так и не отказался от своей трактовки данных Лавалем обещаний¹⁶, а в ответ на письмо Лавала дал короткий ответ: «я остаюсь на своей позиции¹⁷».

Кто из политиков лжет — узнать сегодня почти невозможно, так как свидетелей разговора не было. В документах МИД Франции, естественно, нет никаких упоминаний о том, что Лаваль тем или иным образом выразил согласие на итальянское завоевание Эфиопии. Французские власти впоследствии «обвиняли» во всем французский язык Муссолини. Есть множество свидетельств, что дуче прекрасно говорил на родном языке Лавала и вряд ли допустил бы такое серьезное недопонимание¹⁸. В трактовке этой ситуации можно также предположить, что путаница могла возникнуть как следствие не только мифотворчества Муссолини, но и любимого приема Лавала, когда он прибегал к нечетким заявлениям, с использованием метафор. Именно это могло дать итальянцам повод понять французского министра иностранных дел так, как им хотелось. Если допустить реальность версии Муссолини, то соглашение, безусловно, было более выгодно

---

¹³ Перов Б.М. Указ. соч. С. 118.

¹⁴ Mack Smith D. Mussolini's Roman Empire. London, 1976. P. 195.

¹⁵ Duroselle J.B. Politique exterieure de la France: la decadence (1932–1939). Paris, 1979. P. 138.

¹⁶ Ibid. P. 133–134.

¹⁷ Duroselle J.B. Histoire diplomatique de 1919 a nos jours. Paris, 1985. P. 153.

¹⁸ В частности, целая глава уделена языковым способностям дуче в исследовании: Bucciatti G. Verso gli accordi Mussolini–Laval. Torino, 1993.

Италии, которая получала молчаливое согласие одного из гарантов системы на ее частичный демонтаж.

Именно это противоречие рождает вопрос: был ли этот договор окончательной формой франко-итальянского сближения или же он должен был стать этапом на пути к более обширному соглашению. Ввиду отсутствия точных сведений о наличии тайного пункта, вывод стоит сделать на основе анализа дальнейших действий сторон.

После встречи в Риме дуче начал шаги по дальнейшему сближению с Францией, прежде всего в военной сфере. В частности, он распорядился начать консультации между представителями генеральных штабов двух стран, что явно удивило самих итальянских военных, уже отвыкших рассматривать Францию как потенциального союзника. Вечером 11 января 1935 г. французскому военному атташе в Риме генералу Паризо позвонил маршал П. Бадольо и попросил приехать на следующее утро в его резиденцию. Во время встречи маршал выразил озабоченность тем, что генералов штабов обеих стран застала врасплох задача выполнения политических соглашений, который были подписаны Муссолини и Лавалем, в части австрийского вопроса. Это особенно удивительно, отмечал Бадольо, что раньше мнения двух стран в этом вопросе категорически не совпадали¹⁹. Иными словами, маршал Бадольо намекал на необходимость начать переговоры с участием военных. Паризо в ответ заявил, что «ответить на этот вопрос должно правительство», и добавил, что, когда станет известно об окончательном позитивном решении правительства Франции, тогда и следует установить контакты с Генеральным штабом Италии²⁰.

Начавшееся сближение набрало обороты в конце января — начале февраля 1935 г. О том, что французская сторона изначально была не против такого развития событий, свидетельствует то обстоятельство, что именно в этот ответственный момент происходит смена руководства французской армии: вместо не любившего Италию генерала Вейгана приходит явный италофил генерал Гамелен²¹. 26 января 1935 г. МИД Франции сделал заявление, что он абсолютно не против переговоров военных двух стран, однако хотел бы предварительно поинтересоваться намерениями Италии.

29 января произошла новая встреча Бадольо с генералом Паризо. Маршал сообщил, что днем ранее виделся с Муссолини, который ждет ответа от Паризо со дня на день. На это француз заметил, что

---

¹⁹ DDI. Serie 8. Vol. 2. P. 120.

²⁰ Ibid. P. 121.

²¹ *Brundu Olla P. L'equilibrio difficile: Gran Bretagna, Italia e Francia nel Mediterraneo (1930–1937)*. Milan, 1980. P. 101.

«когда вновь удастся увидеть дуче, необходимо поставить вопрос во всей его сложности», т.е. необходимо подготовить почву для дальнейших соглашений между генеральными штабами по поводу действий в случае мобилизации Германии²². Паризо отправился в Париж для консультаций, а Бадольо пошел еще дальше, чем во время встречи 12 января. Он говорил, что в случае немецкой агрессии против Франции Италия вмешается в конфликт на стороне Франции²³. Это было похоже уже на прямой зондаж возможности заключения военно-политического союза или, во всяком случае, взаимодействия максимально близкого к такому союзу.

Совершенно очевидно, что эта идея была ближе политическим кругам Италии, в то время как французы проявляли осторожность. После консультаций с военными французские дипломаты пришли к выводу о необходимости успокаивающих заверений для Югославии, а также обсуждения вопроса со странами Центральной Европы, в частности с Чехословакией²⁴. Иными словами, Франция, вопреки первоначальным заявлениям Лавалья, не могла себе позволить открыто пренебрегать интересами своих восточноевропейских союзников. Она явно колебалась в вопросе более тесного сближения с Италией. Это, помимо всего прочего, объяснялось и оглядкой на позицию Лондона, отношения с которым были более значимы, чем с Римом²⁵.

Еще одним объяснением сдержанной позиции Франции во время военных переговоров с Италией были трения и колебания внутри политической элиты, связанные с не вполне понятной ценностью Италии как потенциального союзника против Третьего рейха. На заседании Высшего военного совета 20 февраля Лаваль подтвердил, что «в настоящий момент Италия предлагает нам больше, чем просто нейтралитет»²⁶, иными словами — фактический альянс против Германии. Однако сам Лаваль был убежден, что не следует отвечать молниеносно на авансы Рима, и по его указанию французский МИД взял курс на затягивание переговоров, чтобы «выжать» из них максимум. То есть, следовало развивать переговоры, обнадежив маршала Бадольо относительно их успешного завершения. Военный министр Морен все же считал, что подобный диалог с Римом может иметь полезные и своевременные последствия. 22 марта прошло новое заседание Высшего военного совета, где проводился сравнительный анализ военных сил Франции и Германии. По его итогам высшее французское

---

²² DDI. Serie 8. Vol. 2. P. 206.

²³ Ibid. P. 208.

²⁴ *Duroselle J.B.* Politique extérieure de la France: la decadence (1932–1939). P. 138.

²⁵ Ibid. P. 134.

²⁶ Ibid. P. 115.

командование пришло к выводу, что в отношении сил Германии царит «полная неясность, точных сведений мало», однако был дан прогноз, что в начале конфликта Третий Рейх получит превосходство, но затем оно нивелируется по причине лучшей обученности французских резервов²⁷. В случае продолжительной войны преимущество может вновь вернуться к Германии, имеющей больше человеческих ресурсов и обладающей более солидным промышленным потенциалом. При таком прогнозе Италия логично рассматривалась в качестве необходимой, а главное эффективной поддержки Франции. Однако уже 5 апреля на очередном заседании Высшего военного совета Маршал Петен и генерал Гамелен с уверенностью заявили, что Франция сможет обеспечить наступление сухопутных сил в течение долгого срока, а значит помощь Италии ей не так уж и нужна²⁸.

Сам ход итало-французских переговоров наглядно демонстрирует принятую французами тактику затяжек и проволочек. 21 февраля состоялась новая встреча Паризо и Бадольо. Хотя француз отметил быстроту, с которой в Париже было рассмотрено итальянское предложение о военных переговорах, он добавил, что решения подобной важности не могут быть приняты во Франции так же быстро, как в Италии, ссылаясь на различие в государственном устройстве двух стран²⁹. Тем не менее, 12 марта была достигнута договоренность о продолжении январских консультаций. Переговоры состоялись в Ницце и Тулоне в конце марта. Однако их результаты были довольно скромными: фиксировалась договоренность о значительном сокращении вооруженных сил как с одной, так и с другой стороны в Альпах. Также было условлено, что пять итальянских офицеров будут посланы во французские военные училища³⁰.

Совершенно очевидно, что все шаги итальянских военных по сближению с французскими коллегами предпринимались по прямому указанию дуче. Можно заключить, что с целью предотвращения аншлюса Австрии Муссолини в тот момент был готов пойти на заключение двустороннего альянса с Францией, не связывая себя при этом обязательствами в отношении французских союзников на Востоке Европы. В ходе переговоров в Ницце и Тулоне итальянцы стремились отстранить Югославию от обсуждения австрийского вопроса, переведя его в плоскость исключительно итало-французской коалиции. Проблемы же Средиземного моря на этой встрече не обсуждались, хотя итальянская делегация не раз пыталась их поднять.

---

²⁷ *Milza P. Le voyage de Pierre Laval a Rome en janvier 1935 // Italia e Francia: dal 1919 al 1939. Milano, 1998. P. 181.*

²⁸ *Ibid. P. 182.*

²⁹ *DDI. Serie 8. Vol. 2. P. 271.*

³⁰ *Documents diplomatiques Français. Vol. 10. N 63. P 90–94.*

П. Лаваль хорошо понял намерения итальянской стороны. В телефонной беседе с Муссолини он прямо отвечал, что маршал Бадольо «желал заставить Францию косвенным путем принять военные обязательства в отношении Австрии»³¹. Такого рода обязательства в планы Лавалья явно не входили, и он призывал своих коллег в МИД быть осторожными в этом вопросе. Опасаясь колониальных амбиций Муссолини, в то время как внимание Франции было отвлечено на восточную границу, Лаваль предпочитал лишь демонстрировать готовность к тесному сближению с Италией, но не реально двигаться в этом направлении. В беседе в Р. Ванситтартом, постоянным заместителем министра иностранных дел Великобритании, в конце марта 1935 г. Лаваль откровенно назвал потенциальный союз с Италией «временной фикцией ради гарантии колониям»³².

Окончательно идея франко-итальянского соглашения умерла после конференции в Стрезе, посвященной проблеме перевооружения Германии. Именно эта встреча, проходившая с 11 по 14 апреля, вконец разуверила Муссолини в перспективах переговоров с Францией. В начале конференции, согласно воспоминаниям Р. Ванситтарта, дуче был прост и естествен в общении с французскими представителями, но в то же время подчеркнуто недружелюбен с британской делегацией. Более того, Муссолини и Лавалья сближала общая антипатия к англичанам³³. Согласно французским документам, дуче рассчитывал поддержать Францию в немецком вопросе и заключить с ней детальный договор по разрешению всех имеющихся конфликтов, в том числе и в Средиземном море³⁴. Однако в германском вопросе французские представители Фланден и Лаваль долго выдерживали срединную линию, но потом начали тяготеть к позиции Великобритании (британцы настаивали на осуждении Германии только с моральной точки зрения, без принятия каких-либо санкций по линии Лиги Наций), чем очень разочаровали Муссолини³⁵. Про Средиземное море и вовсе почти не говорили. После этой встречи речи об итало-французском альянсе против Германии уже не шло. Итальянский диктатор ждал от потенциальных партнеров реальных действий, а не пустых дипломатических разговоров.

Сразу после Стрезы начался мощный виток вооружения в Италии. По самым скромным подсчетам в мае 1935 г. около 250 тыс. солдат ждали команды на границе Эфиопии в Эритрее и в Сомали,

---

³¹ *Buccianti G.* Op. cit. P. 118.

³² *Vansittart R.* Lessons of my life. London, 1942. P. 138.

³³ *Ibid.* P. 123.

³⁴ *Duroselle J.B.* Politique exterieure de la France: la decadence (1932–1939). P. 137.

³⁵ *Mack Smith D.* Op. cit. P. 200.

а у берегов Сицилии на воду были спущены 35 новых кораблей³⁶. Французы в конце апреля заключили дополнительное соглашение с Италией, которое уточняло и подтверждало январские договоренности двух стран. Италии была передана 22-километровая зона возле Баб-эль-Мандебского пролива, что давало возможность для активизации экспансии в Эфиопии.

* * *

В конце 1934 — начале 1935 г. Италия была все еще заинтересована в независимой Австрии и в то же время готовилась к войне в Эфиопии, что рассматривалось как первый шаг к будущему доминированию в регионе Средиземного моря. Иными словами, выступая как ревизионистская держава в одном регионе, Италия стремилась поддержать версальский статус-кво в другом.

Решив опереться на Францию, Муссолини в первые месяцы 1935 г. демонстрировал максимальную готовность к сближению с ней. Подписанное в январе 1935 г. соглашение с Лавалем было для Рима как минимум признанием со стороны Парижа «свободы рук» в отношении Эфиопии, а как максимум — первым шагом на пути тесного военно-политического сотрудничества с Францией (возможно, подразумевался даже союз), свидетельством чего стали переговоры на уровне генеральных штабов, инициированные итальянской стороной.

Эти планы встретили довольно прохладный прием в Париже. Ценность Италии как союзника против Германии была для Франции очень сомнительна, и французы явно не хотели провоцировать конфликт с Германией ради сохранения австрийского «буфера» к северу от итальянских границ. На практике значение январского соглашения для французской стороны свелось к тому, что через колониальный карт-бланш в отношении Эфиопии две страны скрепляли сохранение статус-кво на севере Африки. Столь уклончивая позиция Франции заставила Италию пересмотреть свои планы. Финальной точкой стала конференция в Стресе, на которой французы явно не оправдали надежд Муссолини, показав, что «доброе согласие» с Лондоном для них многократно важнее обеспокоенности Муссолини за свою северную границу. Итальянские попытки достичь своих целей при помощи Франции провалились, и уже к осени 1935 г. действия в этом направлении сошли на нет. После неудачи в Стресе Муссолини перешел к иной тактике решения своих задач и окончательно покинул лагерь «держав статус-кво».

---

³⁶ *Mori R. Mussolini e la conquista dell’Etiopia. Firenze, 1978. P. 219.*

References

- Brundu Olla P. *L'equilibrio difficile: Gran Bretagna, Italia e Francia nel Mediterraneo (1930–1937)*. Milan: ALMA Edizione, 1980. 245 p.
- Buccianti G. *Verso gli accordi Mussolini–Laval*. Torino: Giuffrè, 1993. 201 p.
- Duroselle J.B. *Histoire diplomatique de 1919 a nos jours*. Paris: Dalloz, 1957. 744 p.
- Duroselle J.B. *Politique exterieure de la France: la decadence (1932–1939)*. Paris: Centre et documentation universitaire, 1979. 798 p.
- Duroselle J.B. *Les Relations Internationals de L'Allemagne et de l'Italie de 1919 a 1939*. Paris: Centre de documentation universitaire, 1967. 581 p.
- Ivanov L.N. *Morskaya politika i diplomatiya imperialisticheskikh derzhav (mezhdru Pervoy i Vtoroy mirovymi voynami)*. *Izbrannyye proizvedeniya* [Naval Policy and Diplomacy of the Imperialist Powers (between the World Wars I and II). Selected Works]. Moscow: Nauka, 1964. 444 p.
- Mack Smith D. *Mussolini's Roman Empire*. London; New York: Viking Adult, 1976. 322 p.
- Milza P. *Le voyage de Pierre Laval a Rome en janvier 1935 // Italia e Francia: dal 1919 al 1939*. Milano: Istituto per gli studi di politica internazionale, 1981. P. 219–243.
- Mori R. *Mussolini e la conquista dell'Etiopia*. Firenze: Le Monnier, 1978. 330 p.
- Perov B.M. *Franko-ital'yanskiye otnosheniya v period pravleniya P. Lavalya (1934–1935)* [Franco-Italian Relations under P. Laval (1934–1935)] // *Problemy frantsuzskoy istorii* [Issues of French History]. Moscow: Nauka, 2001. P. 176–204.
- Pirumova O.V. *Franko-ital'yanskiye otnosheniya nakanune italo-efiopskoy voyny* [Franco-Italian Relations on the Eve of the Italian-Ethiopian War] // *Diplomaticheskiye otnosheniya zapadnoyevropeyskikh stran mezhdru dvumya mirovymi voynami* [Diplomatic Relations of Western European Countries between the Two World Wars]. Yaroslavl': YarGU, 1977. P. 37–52.
- Rainero R. *Gli aspetti della crisi degli accordi Mussolini–Laval e gli espropri di Vinadio e del Moncenisio*. Roma: Profondo Edizione, 1999. 360 p.

Поступила в редакцию
23 декабря 2019 г.